

занявшись философией, все равно чувствуешь себя облитым помоями, и Ксантиппа дала только внешнее выражение тому, что происходило в душе Сократа. Символы не всегда бывают красивы» (стр. 69). «Отрыжка прерывает самые возвышенные человеческие размышления. Отсюда, если угодно, можно сделать вывод, но, если угодно, можно никаких выводов и не делать» (стр. 177). В общем, надо пожалеть, что г. Шестов свое несомненное литературное дарование, особенно проявленное в его прежних трудах, растрчивает и искажает в опасной и далекой от истинной оригинальности погоне за необычным. Свои излюбленные взгляды о ненужности идей, свой протест против всяческой морали, между прочим и логической, он должен был бы раз навсегда спокойно и серьезно изложить без иронических недомолвок и интеллектуальной развязности.

С. К-ИЙ

Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления

«Нужно оправдываться — сомнения быть не может. Вопрос лишь, с чего начать: с оправдания формы или содержания настоящей работы. У нас полагают, что книга должна представлять из себя последовательно развитую систему мыслей, объединенных общей идеей, иначе она не оправдывает своего назначения... Но по мере того как растет недоверие к последовательности и сомнение в пригодности всякого рода общих идей, не должно ли явиться у человека отвращение и к той форме изложения, которая наиболее приспособлена к существующим предрассудкам?»

Таковыми словами начинает г. Шестов свою книгу. Мы, собственно, думаем, что ни афористическая форма, ни философский импрессионизм, который он в эту форму вкладывает, в таком оправдании не нуждаются. Не нуждается в оправдании та форма изложения, которую избрали Шопенгауэр и Ницше. Что касается до содержания «адогматического мышления», то мы готовы его приветствовать именно в наш век доверия ко всяким монистическим системам. Нам несомненно угрожает схоластика единых систем и всеохватывающих схем, и весьма нелишнее вспомнить о фрагментарном характере нашего знания, о вечно-изменчивой пестроте нашего опыта; полезно почувствовать, как эта бесконечная мировая игра способна уложиться в окаменевшее русло нашей теоретической схемы. Догматизм самый, быть может, опасный враг в пределах современного духовного горизонта. Но, чтобы тот «догматизм» произ-

водил свое действие, необходимо ему быть совершенно свободным. Отрицание систематизации не должно обращаться в систему. Иначе все эти афоризмы философского импрессионизма не покажутся искрами вспыхнувшей мысли, а холодными, заранее придуманными фокусами.

Мы опасаемся, что афоризмам г. Шестова не хватает этой высшей свободы и легкости. Многие читаются с приковывающим интересом (особенно там, где автор касается истолкования литературных произведений стр. 79, 87, 178 и пр.), но наряду с этим есть страницы, где слишком чувствуется тенденциозная борьба с систематичностью, а иногда и несколько подогретые парадоксы, с задолго обдуманном намерением ошеломить читателя... Автор обещает «адогматизм», а частенько сбивается на «антидогматизм». Думается, что сокращение числа афоризмов сделало бы впечатление более цельным и сильным.

Мы решаемся говорить это собственно потому, что предшествовавшие работы г. Шестова, посвященные Достоевскому, Толстому и Ницше, явились образцами великолепного критического дарования, столь же глубокого, сколь и интересного. В своих этюдах о Юлии Цезаре и книге Мережковского, посвященной Л. Толстому и Достоевскому, — эти этюды приложены к разбираемому сочинению, — автор не пошел назад. И мы надеемся в следующий раз встретить его мысли свободными от всякого тенденциозного «антидогматизма» — равно далекого от желания угождать умственным привычкам читателя и от старания как можно более идти им наперекор.

Н. А. БЕРДЯЕВ

Трагедия и обыденность (Л. Шестов. «Достоевский и Ницше» и «Апофеоз беспочвенности»)

У нас остались живые, которые своим существованием смущали и продолжают нас смущать еще более, чем погребенные, согласно учению, мертвецы. У нас остались все, не имеющие земных надежд, все отчаявшиеся, все обезумевшие от ужасов жизни. Что делать с ними? Кто возьмет на себя нечеловеческую обязанность зарыть в землю этих?..

Сократ, Платон, добро, гуманность, идеи — весь сонм прежних ангелов и святых, оберегавших невинную человеческую душу от нападений злых демонов скептицизма и пессимизма, бесследно исчезает в пространстве, и человек перед лицом своих ужаснейших врагов впервые в жизни испытывает то страшное одиночество, из которого его не в силах вывести ни одно самое преданное и любящее сердце. Здесь-то и начинается философия трагедии...